

П. С. Попов и М. И. Каринский: о формировании логико-гносеологического направления в русской философии XX века

А. В. Шевцов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
ashevzov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс восприятия идей еще дореволюционных философов-логиков и их изучение к моменту восстановления философского факультета в МГУ и кафедры логики. В этом отношении здесь изучается роль Павла Сергеевича Попова (1892–1964) и именно его заслуга в восстановлении концепции выдающегося русского логика дореволюционного времени М. И. Каринского (1840–1917), что являет собой связь времен. Подчеркивается значение фундаментальных трудов М. И. Каринского «Классификация выводов» (1880) и «Об истинах самоочевидных» (1893), которые изучал П. С. Попов, а также отрывка о «Логике» М. И. Каринского, о котором писал П. С. Попов в № 2 «Вопросов философии» за 1947 год. Делаются выводы о связи времен в преподавании логики и о непрерывной традиции логико-гносеологического направления в русской философии XX века. DOI: 10.52119/LPHS.2024.54.92.018.

Ключевые слова: П. С. Попов, М. И. Каринский, логика, самоочевидные истины, критическая философия, И. Кант, логико-гносеологическое направление, история русской философии, Б. В. Бирюков.

Pavel S. Popov and Mikhail I. Karinsky: On the Formation of the Logical and Epistemological Trend in the Russian Philosophy of the 20th Century

Aleksandr V. Shevtsov

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Abstract. The article examines the reception and study of the ideas of pre-revolutionary philosophers at the time of the restoration of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University and the Department of Logic. In this regard, we study the role of Pavel Sergeyevich Popov (1892–1964) in restoring the doctrine of the outstanding Russian pre-revolutionary logician Mikhail Ivanovich Karinsky (1840–1917), which is a link between the epochs. We emphasize the importance of Karinsky’s fundamental works “Classification of conclusions” (1880) and “On Self-Evident Truths” (1893), which were studied by P. S. Popov, as well as that of an excerpt from Karinsky’s “Logic,” about which Popov wrote in the journal *Voprosy Filosofiy*, no. 2, 1947. Conclusions are drawn about the joint of times in logic teaching and about the continuous tradition of the logical and epistemological trend in the Russian philosophy of the 20th century.

Keywords: Pavel S. Popov, Mikhail I. Karinsky, logic, self-evident truths, critical philosophy, Immanuel Kant, logical and epistemological direction, history of Russian philosophy, Boris V. Biryukov.

Большой интерес сегодня представляет логико-гносеологическое направление русской философии, возникшее еще в XIX веке, а развивавшееся и в XX веке. Так, наряду с дореволюционными линиями в отечественной философии — идеализмом, материализмом, экзистенциализмом и спиритуализмом, позитивизмом, кантианством и неокантианством, религиозной философией — продолжает развиваться гносеологическое направление. В связи с этим еще раз обратимся к наследию выдающегося ученого, философа и логика Павла Сергеевича Попова (1892–1964) [1, с. 168–169]. Отметим заслугу именно Павла Сергеевича Попова в новом образовании кафедры логики на философском факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Павел Сергеевич обратился именно к наследию русской философии еще недавнего прошлого, царского времени и, в частности, к трудам

очень важного философа, логика и ученого в полном смысле этого слова — Михаила Ивановича Каринского (1840–1917) [2, с. 386–387; 3, с. 387; 4, с. 179–192; 5, с. 95]. М. И. Каринский был профессором Санкт-Петербургской духовной академии и автором серьезного труда по логике «Классификация выводов» 1880 года [6, с. 3–177].

По мнению самого Каринского, логика есть наука о познании, «которое имеет своим предметом все существующее и своей задачей — познание этого существующего так, как оно существует» [3, с. 387]. Каринский писал, что «все существующее может быть дано в нашем представлении тоже как образ [открытый произвольному истолкованию, например в контексте психического], а не как само бытие» [3, с. 387]. При этом разница между существующим на самом деле и его представлением не исчезнет, потому что подлинно существующее не зависит от нашего образа о нем, оно только отражается в этом представлении. Взгляды русского мыслителя дали повод в послереволюционный период истолковывать его философию в широком смысле как материалистическую, в узком — материалистической считать только его логику. Второе «рождение» интереса к теории Каринского состоялось с возвращением логики в университеты в послевоенный период, когда с образованием кафедры логики на философском факультете МГУ в 1946 году усилиями первого заведующего кафедрой П. С. Попова произошло и «продумывание» именно логической составляющей учения Каринского. Тезис Каринского был в том, что «Существующим мы называем все то, что, будучи само по себе независимо от данного в нас образа его, от нашего представления о нем, только отражается в этом представлении» [4, с. 181]. Психологическое описание гносеологических оснований мышления у Каринского было представлено Ю. А. Квасовой [7, с. 252–255], однако, как было показано в ряде исследований учения М. И. Каринского, наших в том числе, он в своих работах «Классификация выводов» (1880) и «Об истинах самоочевидных» (1893) совершенно избегал психологического описания процессов мышления [1; 8, с. 252–255].

Павел Сергеевич Попов по праву считался ведущим специалистом по истории логических идей в России, исследователем происхождения и развития логических концепций в русской философии [9, с. 175–177; 2, с. 386–387]. М. И. Каринский в поздней своей работе 1893 г. «Об истинах самоочевидных» представил как некую альтернативу для трансцендентального метода Канта [10; 11] свою теорию, которая у него называлась учением о самоочевидных истинах. П. С. Попов отмечал, что Кант в своем представлении учения о категориях выводил, что «...единство извлекается из всеобщих суждений, всеобщность, или цельность — из единичных суждений. Кант признает только строгую дизъюнкцию, хотя по существу это ошибочно, если пытаться связать категорию взаимодействия с дизъюнктивностью» [1, с. 167–168]. Далее у Павла Сергеевича идет фрагментарная цитата из Каринского о Канте: «Вывод категории взаимодействия из дизъюнктивного суждения до того изумителен, что Кант счел необходимым особо его мотивировать...»; здесь далее у Каринского Кант старается установить некоторую аналогию между отношением друг к другу видов, принадлежащих к одному и тому же роду, с одной стороны, и отношением между частями, относящимися к одному и тому же целому, с другой. Чтобы возбудить в читателе мысль, что эта аналогия указывает на существенное тождество этих отношений [10, с. 53], он при разъяснении отношения между видами понятия употребляет то же самое выражение: «взаимно определяют друг друга». Итак, Павел Сергеевич цитирует Каринского не буквально, но это и дало ему повод в этой же обрывистой цитате подвести свой итог, который он отнес к Каринскому: «...Сближение идей взаимодействия с связью понятий в дизъюнктивном суждении попадает мимо цели, так как трудно придумать такое дизъюнктивное суждение, которое говорило бы о взаимодей-

ствии между предметами, а кантово дизъюнктивное суждение, раздробляющее понятие на виды, о реальном взаимодействии между предметами говорить вовсе не может» [1, с. 169]. Таким образом, Попов хотя и опирался на Каринского как на пример критики Канта, тем не менее использовал только одно место из критики Каринского, а именно о записи Канта вывода категорий из функций судящей деятельности; но «...установки рассудочного понятия об объекте, сколько-нибудь удовлетворяющей научным требованиям, он не дает и дать не может» [10, с. 61]. Каринский в своей критике учения Канта пришел к выводу, что Кант «...оказывается вынужденным признать, что... до особого исследования рассудочного понятия об объекте из них нельзя при всех его предположениях прямо и непосредственно установить систему категорий» [10, с. 62]. Поэтому П. С. Попов подвел итог своим выводам: никто не виноват в том, что «...где, собственно, Кант видел компетенцию трансцендентальной логики, а где сферу формальной» [1, с. 169]. Мы, возвращаясь к М. И. Каринскому, предполагаем, что альтернативная компетенция трансцендентальной логике могла бы быть в некоей логике «самоочевидных истин».

Литература

1. Попов П. С. *История логики Нового времени*. М.: Издательство Московского университета, 1960.
2. Попов П. С. О курсе логики М. И. Каринского. *Вопросы философии*, 1947, № 2, с. 386–387.
3. Каринский М. И. Логика. *Вопросы философии*, 1947, № 2.
4. Каринский М. И. Отрывок из «Логики» 1884–1885 гг. *Избранные труды русских логиков XIX века*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956, с. 179–192.
5. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественная логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 1: Борьба вокруг логики: диалектической, формальной, математической. Челпанов, Асмус, Фохт, Поварнин, Попов, Ахманов, Лосев. М.: Издательство ЛКИ, 2012.
6. Каринский М. И. Классификация выводов. *Избранные труды русских логиков XIX века*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956, с. 3–177.
7. Квасова Ю. А. Жизнь и научное творчество М. И. Каринского. *Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века)*. М., 2012, с. 15–114.
8. Шевцов А. В. *М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX — начала XX века*. М.: Мир философии, 2017.
9. Шевцов А. В. *Классические и неклассические логики в историко-философском аспекте: основные принципы и понятия*. М.: ИНФРА-М, 2020.
10. Каринский М. И. *Об истинах самоочевидных*. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
11. Шевцов А. В. «Критика чистого разума» И. Канта в восприятии М. И. Каринского: от трансцендентализма к самоочевидным истинам. Доклад на Международном Кантовском конгрессе, 2024 (в печати).